

Эмоции, подавляемые больше десяти лет, вышли из-под контроля — чтобы окончательно сломаться, потребовалась лишь секунда. Цзян Шоуянь, сжимая в руках тоненький медицинский бланк, рухнул на колени у пустой кровати бабушки и больше не смог подняться. Негативные чувства, нахлынувшие с невиданной доселе силой, словно морская пучина, утащили его на самое дно беспросветной пропасти. Он видел, как все его мечты о будущем рушатся прямо на глазах. Бессилие и отчаяние рвали его на части. Цепляясь за последние крохи рассудка, он отпросился у начальства и написал Ци Чжоу, что хочет несколько дней побыть один и прийти в себя. Ци Чжоу ответил: «Хорошо».

Возможно, так работали защитные механизмы мозга, но Цзян Шоуянь уже очень давно не вспоминал о том, что произошло в детстве. Однако в те три дня эти картины, подобно казни тысячи порезов, безостановочно прокручивались в его голове: начиная от распахнутых глаз матери и заканчивая разбухшим, побелевшим от воды телом бабушки. Они снова и снова они напоминали Цзян Шоуяню: «Смотри, вот она — твоя жизнь. Насквозь гнилая и безнадежно испорченная».

Он погружался в пучину прошлого, утопая в ней всё глубже. Спрятанные раны никогда не заживали, они лишь были на время скрыты за стеной любви. Опустив голову, Цзян Шоуянь видел только любовь и не замечал ран. Но теперь стена рухнула, и её обломки разодрали эти раны в кровь. Опустив голову на этот раз, он увидел боль, не утихавшую годами.

Цзян Шоуянь вцепился в волосы. Казалось, воздух был усеян мириадами невидимых игл, впивавшихся так, что даже дышать стало непозволительной роскошью. Когда к нему вновь вернулось сознание, первое, что увидел Цзян Шоуянь, — ослепительно-белый потолок. На мгновение его мозг словно завис: он не мог вспомнить, что произошло. Попытался привстать, но стоило ему пошевелиться, как прибор на прикроватной тумбочке издал пронзительный писк.

Сердце колотилось как безумное, тяжёлыми ударами отдаваясь в ушах. Повернув голову, он увидел Ци Чжоу. Одетый в белый халат, тот сидел на стуле и неотрывно смотрел на него покрасневшими глазами.

Цзян Шоуянь заперся дома на добрых полмесяца. Хотел спать — спал, становилось невыносимо тоскливо — плакал. Не было сил шевелиться — просто лежал на диване. А когда становилось

совсем неумоготу — заставлял себя подняться и шёл в душ. Постепенно, казалось, ему стало чуточку легче.

Цзян Шоуянь раздвинул шторы. Солнце в середине сентября всё так же безжалостно пекло. Он слишком долго не видел солнца и слегка прищурился от слепящих лучей. Немного привыкнув к яркому свету и переждав головокружение от резкого подъёма, он толкнул стеклянную дверь и вышел на балкон. В обеденное время внизу почти никого не было, а листья на дереве в центре дворовой клумбы уже наполовину пожелтели.

Цзян Шоуянь постоял на балконе и, слегка вспотев под лучами солнца, развернулся и снова пошёл в душ. Сил совсем не было: даже стоять казалось непосильным трудом. Он мылся урывками: немного постояв под душем, садился передохнуть на корточки, потом снова вставал. Зеркало в ванной постепенно затягивало паром. Темноволосый парень в отражении сильно исхудал: грудина и рёбра были обтянуты тонким слоем кожи, цвет лица — болезненно-бледный.

Поход в душ растянулся минут на сорок. От густого пара стало трудно дышать, подушечки пальцев сморщились и побелели от воды. Окутанный влажным теплом, с абсолютно пустой головой, он сперва немного полежал на кровати, а скопив достаточно сил, поднялся и оделся.

На экране телефона светилось уведомление о нескольких посылках, ожидавших получения, — они лежали в пункте выдачи уже много дней. Пару дней назад Цзян Шоуяню приснился сон: Чэн Цзайе и стена с бабочками. В полумраке комнаты он обернулся, но стена над диваном была абсолютно пуста — на ней ничего не было. Он моргнул, достал телефон, зашёл в приложение и заказал материалы.

На самом деле, находясь на грани сна и яви, Цзян Шоуянь не раз задавался вопросом: а был ли Чэн Цзайе в реальности? Что, если всё это прекрасное — лишь его несбыточные фантазии, сказки «Тысячи и одной ночи»? Но каждый день ровно в полдень такое обыденное и пунктуальное сообщение: «Поел?» — возвращало его в реальность, давая чётко понять: Чэн Цзайе есть, он никуда не исчез.

Перед самым выходом Цзян Шоуянь замер у двери и поджал губы. После недолгих колебаний он всё же снял с полки бейсболку и натянул её на голову. Пункт выдачи находился недалеко, минутах в десяти ходьбы от задних ворот жилого комплекса. Цзян Шоуянь шёл, слегка опустив голову. Козырёк скрывал большую часть его лица, и эта тень дарила ему толику безопасности, позволяя чувствовать себя увереннее при разговоре.

Он открыл приложение и зачитал вслух коды получения. Сегодня на смене была сама хозяйка пункта: коротко стриженная, чуть полноватая женщина с очень светлой кожей. Она отсканировала штрихкод на коробке и, глядя в телефон, протянула её Цзян Шоуяню:

— Там ещё несколько, подождите минутку.

Цзян Шоуянь остался стоять в дверях. Минуты через две-три вместе с остальными коробками ему протянули лунный пряник — юэбин. Он на мгновение опешил и поднял голову. Хозяйка с улыбкой сказала:

— Давно вас не было видно. С Праздником середины осени!

Она знала Цзян Шоуяня, потому что его бабушка могла разговорить кого угодно. Хотя старушка не умела читать, она часто помогала забирать посылки, просто показывая бумажку, на которой были записаны четыре последние цифры номера телефона. Хозяйка тогда спросила:

— Как много! Это вы забираете для сына с дочкой?

А бабушка с лукавой улыбкой ответила:

— Для внуков. Все трое мои. Уж такие умницы: один — переводчик, второй — врач, а третий — юрист!

Цзян Шоуянь, совершенно растерявшись, машинально принял угощение и произнёс:

— Спасибо. — Немного помолчав, он добавил: — И вас с праздником.

«Уже середина осени?» — на обратном пути Цзян Шоуянь взглянул на дату. Шестнадцатое число. Праздник только завтра.

Последние два дня у Ци Чжоу стояли смены. В такое время он, наверное, уже должен был закончить работу. Когда Цзян Шоуяню было совсем плохо, бóльшую часть времени он пребывал в оцепенении. Он не мог позаботиться даже о самом себе, что уж говорить о чувствах друзей. Но теперь, когда ему стало чуточку легче, его накрыло острое чувство вины.

Свалив коробки с посылками на пол, Цзян Шоуянь зашёл на кухню, вымыл руки, затем достал телефон, открыл диалог с Ци Чжоу и набрал: «Хочу на ужин ту острую свинину из кафешки у твоей больницы».

Ответ Ци Чжоу пришёл моментально: «Раньше сказать не мог? Блин, я уже проехал одну станцию на метро».

Глядя на эти всплывшие строки, Цзян Шоуянь слабо улыбнулся, отложил телефон и принялся распаковывать коробки на полу. Повозившись какое-то время, он понял, что ему всё время что-то мешает смотреть, и только тогда вспомнил, что забыл снять бейсболку. Вскрыв последнюю посылку, Цзян Шоуянь сложил коробки одну в другую, отнёс их к входной двери, выпрямился, снял с головы кепку, повесил её на вешалку и снова пошёл на кухню мыть руки.

Сегодня шторы в гостиной не были задёрнуты. Солнце постепенно клонилось к западу, прячась за соседними зданиями. В ускользающих лучах света Цзян Шоуянь принялся за самое простое: обводить, склеивать и вырезать бумажных бабочек. То, что раньше давалось ему так легко, сегодня почему-то казалось невероятно сложным. Поначалу Цзян Шоуянь ещё мог рационально успокаивать себя: «Ничего страшного, ничего, всё нормально». Но после того, как он испортил пять крыльев подряд, его прорвало: он смахнул всё со стола на пол. И, так и оставшись сидеть на месте, долго смотрел на упавшие возле его коленей ножницы. Он прекрасно понимал, что сейчас его эмоциональное состояние нестабильно. Поднявшись, пересел на диван и взял телефон, чтобы включить какое-нибудь видео и отвлечься.

В панели уведомлений висело новое сообщение в WeChat. Цзян Шоуянь, не посмотрев на имя отправителя, сразу нажал на него. Когда до него дошёл смысл написанного, в голове вдруг воцарилась абсолютная тишина.

Чэн Цзайе: Поел?

Цзян Шоуянь ещё раз проверил панель уведомлений, чтобы убедиться: сейчас начало пятого, а не полдень. Чэн Цзайе каждый день писал ему минута в минуту, он не мог перепутать время.

Цзян Шоуянь: Нет.

Чэн Цзайе вполне закономерно задал следующий вопрос: Что собираешься есть?

Цзян Шоуянь: Острую свинину.

Это был их самый длинный диалог за все последние дни. Наверху экрана высветилось: «Печатает...». Цзян Шоуянь ждал, нервно потирая край телефона. Надпись исчезла, а спустя мгновение появилась вновь. Следуя за этим ритмом, Цзян Шоуянь смотрел то на верхнюю часть экрана, то на поле для ввода текста. После двух-трех таких колебаний от собеседника наконец пришло новое сообщение.

Чэн Цзайе: Скоро ведь Праздник середины осени, да?

Цзян Шоуянь: Завтра.

Чэн Цзайе: Можно я позвоню?

Пальцы Цзян Шоуяня замерли. С той стороны посыпалось сразу несколько сообщений подряд.

«Я просто хочу услышать твой голос».

«Ни о чём другом спрашивать не буду».

«Только на минутку, совсем ненадолго. Можешь ничего не говорить, я просто хочу поздравить тебя с праздником».

Палец Цзян Шоуяня завис над экраном. В груди вдруг болезненно защемило. Стиснув зубы, он нажал на «плюсик» и запустил голосовой вызов. Одна секунда, две, три... Затем он услышал очень тихое дыхание. По обе стороны телефонов стояла тишина. Никто не проронил ни слова.

Спустя долгое время Цзян Шоуянь услышал, как на том конце произнесли его имя. Звук был таким знакомым, словно из прошлой жизни.

— Цзян Шоуянь... Я соскучился.

Горечь мгновенно подступила к горлу. Цзян Шоуянь отвернулся и до боли закусил губу.

— А ты? Ты скучал по мне? А, прости, я же обещал не задавать вопросов. Просто я немного выпил, в голове всё путается. Как ты там? Ах, чёрт, прости, опять спросил.

Чем сильнее паниковал Чэн Цзайе, тем больше торопился, и в конце концов он, раздосадованный на самого себя, замолчал.

Цзян Шоуянь немного отвёл телефон от уха, сделал несколько глубоких вдохов, стараясь придать своему голосу максимально ровное звучание, и произнёс:

— Пьёшь среди бела дня?

Дыхание на том конце стало чуть тяжелее, а голос — мгновенно более хриплым:

— Среди бела дня? — эхом отозвался Чэн Цзайе и лишь потом понял, что тот говорит о времени в Лиссабоне. — Я сейчас не в Лиссабоне, — тихо ответил он. — Я в Сан-Франциско.

Цзян Шоуянь, откинув голову на спинку дивана и глядя на потолочную люстру, спросил:

— Что делаешь в Сан-Франциско?

Чэн Цзайе ответил после небольшой паузы:

— Подрабатываю. Ведём один проект со знакомым профессором.

Если бы Цзян Шоуянь поддерживал нормальную беседу, в этот момент он должен был бы спросить: «Что за проект?» Но нынешний Цзян Шоуянь подсознательно избегал любых размышлений. Спроси он об этом, Чэн Цзайе наверняка начал бы рассказывать детали. Не желая оказаться в ситуации, где он не найдёт, что ответить, Цзян Шоуянь снова перескочил на другую тему.

— Который час в Сан-Франциско?

Он не заметил, как человек на другом конце провода с облегчением выдохнул.

— Начало второго.

Цзян Шоуянь машинально решил, что речь о часе дня, и вернулся к первоначальной мысли:

— Ты пьёшь среди бела дня?

Чэн Цзайе стоял перед панорамным окном. Вдалеке во мраке ночи ослепительно-красным светом горел мост Золотые Ворота. Он едва заметно приподнял уголки губ.

— Угу. Празднуем успешное завершение проекта.

На самом деле никакого праздника не было. Свет в комнате не горел. Чэн Цзайе неотрывно смотрел на свой тусклый силуэт, отражающийся в оконном стекле, а в ушах снова и снова звучали слова, сказанные доктором этим днём.

— Завтра к Лили можешь не приходить.

— Почему?

— Только что сообщили. Сегодня утром она спрыгнула. Спасти не удалось.

В тот миг Чэн Цзайе перестал дышать.

— Но вы же говорили, что ей стало лучше? Даже психиатр сказал, что прогресс налицо. Почему? Почему так вышло?

— Эта болезнь вызывает резкие перепады настроения. Порой кажется, что человеку стало лучше, что он настроен позитивно. Но стоит ему столкнуться с малейшим давлением или неудачей, как его снова затягивает в трясины депрессии. Поэтому чаще всего больных ждёт один из двух финалов: они либо уходят из жизни тихо и спокойно, либо умирают в страшных муках. Цзайе, ты должен понимать: это нелёгкий путь. Тебе придётся жить в постоянном страхе, каждую секунду быть начеку.

Чэн Цзайе опустил голову. Вслушиваясь в спокойное дыхание Цзян Шоуяня, он вдруг тихо произнёс:

— С Праздником середины осени, Цзян Шоуянь.

<http://bllate.org/book/14908/1603872>